

А.К. Нарышкин

**Письма Маргариты Михайловны Тучковой к графине Анне Ивановне
Коновницыной (1824–1825 гг.)**

Публикуемые письма относятся ко времени женитьбы брата М.М. Тучковой, декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, на дочери адресата, графине А.И. Коновницыной, и их совместной жизни вплоть до его ареста. Подлинники писем на французском языке хранятся в фонде Коновницыных и Нарышкиных (ф. № 133, к. № 5817, ед. хр. № 4) в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Перевод текстов на русский язык выполнен И.М. Длугач. Надпись рукой Маргариты Михайловны на одном из сохранившихся конвертов: «Ея Сиятельству Милостивой Государыне Графине Анне Ивановне Коновницыной».

Письмо 1.

Avec quell sentiment de regret j'appris à mon arrivée a Pétersbourg que vous n'y étiez plus me bonne et chère Comtesse. Je santais le besoin de pleurer avec vous, et de m'entretenir de notre bonheur passé. Ce partage de sentiments et de souvenirs, cet épanchement de la douleur ne consolent pas, il est vrai, mais ils nous soutiennent au milieu de souffrances, nous donnent le besoin d'une vie céleste, et meme tout en nous rappellent les melheurs de notre existence, laissent toujours quelque chose de délicieux comme le parfum d'un vase brisé qui s'attache a ses debris!

Agréez donc mes regrets, et me reconnaissance pour les deux jours de plus que vous aves resté a Pétersbourg, car mon frere m'a dit que vous avez eu la bonté de le faire, pour moi. C'est une prevue d'amitiéque je n'oublierai jamais; je crains cependant de me livrer trop au plaisir qu'elle me donne, car il se peut que mon frère, connaissant l'attachement que je vous porte, n'eut voulu que flatter mon coeur.

A propos de ce frère je ne puis vous exprimer combine je suis touchée des bontés que vous avez pour lui. Avant que vous ne le connaissiez, vous devez vous rappeler que je vous en parlays toujours, comme de l'objet de ma tender sollicitude. Jugez donc de ma satisfaction quand j'appris qu'il avait le bonheur de frequenter

souvent votre maison, a laquelle j'étais toujours attachée de Coeur et d'ame.

J'écris bien à la hate apprenant que Madame votre soeur part aujourd'hui meme, et venant d'arriver je n'ai pas pu rouver un moment de loisir pour vois écrire tout ce que j'aurais tant de plaisir à vous communiquer concernant mon fils don't la santé grace a Dieu s'est améliorée, les bains de mer lui ont fait beaucoup de bien et j'espère que maintnant je n'aurai plus les memes sujets d'inquiétude qu'autrefois.

Chère respectable Анна Ивановна, continuez votre amitié a celle qui a toujours su l'apprécier et qui sera toujours de Coeur et d'âme

Votre affectionnée

Marguerite

Je me rappelle au souvenir de vos enfants, particulièrement à celui de Mile Elise. Ne m'oubliez pas.

St Pétersbourg, ce 26 Mai 1824.

Перевод

С каким сожалением я узнала по приезде в Петербург, что Вас там больше не было, моя дорогая графиня! Я испытывала потребность поплакать вместе с Вами и поговорить о нашем былом счастье. Возможность поделиться чувствами и воспоминаниями, эти горестные излияния не утешают, конечно, но еще поддерживают нас в страданиях, вызывают в нас потребность иной жизни, и, хоть они и напоминают нам о несчастьях нашего существования, тем не менее всегда оставляют нечто сладостное, подобно аромату разбитой вазы, который еще присутствует на осколках.

Примите же мои сожаления и мою благодарность за те два лишних дня, которые Вы оставались в Петербурге, так как мой братⁱ сказал мне, что Вы были настолько добры, что сделали это для меня. Этого проявления дружбы я не забуду никогда. Однако я боюсь слишком предаться радости, которую оно во мне вызывает, так как возможно, что мой брат, зная мою привязанность к Вам, хотел лишь доставить мне удовольствие.

По поводу моего брата, я не могу передать Вам, насколько я тронута

Вашим добрым отношением к нему. Еще до того, как Вы с ним познакомились, Вы помните, должно быть, что я Вам всегда рассказывала о нем, как о предмете моих нежных забот. Вы можете себе представить, какое удовлетворение я испытала, когда узнала, что он имел счастье часто посещать Ваш дом, к которому я всегда была привязана всей душой.

Я пишу это письмо в спешке, так как Ваша сестраⁱⁱ уезжает сегодня же, и поскольку я только что приехала, я не могла найти свободной минуты, чтобы написать Вам все, что мне так хотелось бы сообщить Вам о моем сынеⁱⁱⁱ, здоровье которого, слава Богу, улучшилось. Морские купанья пошли ему на пользу^{iv}, и я надеюсь, что теперь у меня не будет тех же оснований для беспокойства, что прежде.

Почтенная Анна Ивановна, продолжайте дарить Вашу дружбу той, что всегда умела ее ценить и всегда останется любящей Вас всем сердцем

Маргарита.

Передайте мой поклон Вашим детям^v, особенно Элизе. Не забывайте меня.

С.-Петербург. 26 мая 1824.

Письмо 2.

Vous ne pouvez vous imaginer bonne et respectable Анна Ивановна combine mon coeur se trouve heureux de l'idée que les liens qui existaient entre nous loin d'être affsiblis par l'influence du temps, se trouvent plus consolidés que jamais. C'est donc votre simable fille qui est destinée à faire le bonheur d'un frère que je chéris. Ah! que de raisons pour l'aimer! Veuillez plaider ma cause près d'elle. Dans l'ivresse du bonheur, mon frère aura peut-être oublié de lui parler de moi, mais c'est vous respectable et chère amie que je charge de l'intéresser en ma faveur en la priant de me donner une petite place dans ce Coeur que Michel est fier de posséder.

Mes soeurs également portées à aimer Lise de toute leur âme, l'embrassent et se recommandent a son amitié, je compte sur la vôtre et suis avec les sentiments les plus

distingués et les plus tendres

Votre dévouée

Marguerite

Moscou

Le 9 Juillet 1824.

Перевод

Вы не можете себе представить, дорогая и почтенная Анна Ивановна, насколько я счастлива от мысли, что связи, существующие между нами, не ослаблены временем, а, напротив, еще прочнее, чем когда-либо. Ведь Вашей милой дочери предназначено составить счастье моего брата, которого я очень люблю. Ах, ведь, он так достоин любви! Заболвите, пожалуйста, ей словечко за меня. В опьянении счастьем мой брат, может быть, забудет поговорить с ней обо мне, но я прошу Вас, почитаемый и дорогой друг, расположить ее ко мне, попросив ее оставить мне местечко в сердце, которым Мишель счастлив обладать.

Мои сестры^{vi} также готовы любить Лизу всей душой, они обнимают ее и ждут ее дружбы. Я рассчитываю на Вашу дружбу и остаюсь преданная Вам всей душой

Маргарита.

Москва. 9 июля 1824.

Письмо 3.

Moscou, le 2 Octobre 1824

Quelle joie pour nous chère et respectable amie de reconnaître Michel parfaitement heureux et de le devoir à votre Lise, que nous aimons bien tendrement. Comme mère, vous devriez certainement avoir des détails sur son arrive. Mais tout ce que je puis vous dire, c'est que nos coeurs ont volé à sa rencontre et depuis, lui sont entièrement acquis. Je vous dirai en amie qu'elle s'y prend parfaitement avec nos parents. Mille attentions pour mon père qui est souffrant, des soins qui prouvent

sa naissante tendresse, lui assurent l'attachement de toute la famille qui s'unit à moi pour vous le dire, et vous remercier de nous avoir donné cette aimable Lise. J'espère que vous avez déjà la letter que j'ai adressé à Lise et qui a été envoyée le 11 Septembre. Je ne conçois pas pourquoi elle ne vous est pas parvenue avant le depart de vos enfants. Vous m'avez accusée peutêtre, tandis que je pleurais a Borodino! D'abord à mon retour, je me suis occupée de Lise et de Michel/ Jen e vous en séparais pas et ma letter vous le prouvera.

Je vous prie d'agréeer l'assurance de la consideration parfaite et de l'amitié la plus dévouée.

C'est avec ce sentiment que je serai toute ma vie

Votre attachée

Marguerite.

Перевод

Москва. 2 октября 1824

Какая радость для нас, дорогой друг, видеть Мишеля совершенно счастливым, и быть обязанным этим Вашей Лизе, которую мы нежно любим^{vii}. Вы, как мать, конечно, хотите знать подробности о ее прибытии. Я могу Вам сказать лишь, что наши сердца устремились ей навстречу, и она их покорила. Скажу Вам по-дружески, что она сумела найти подход к нашим родителям^{viii}. Множество знаков внимания больному отцу и заботы, которые свидетельствуют о ее рождающейся нежности к нему, обеспечивают ей привязанность всей нашей семьи, которая присоединяется ко мне, чтобы сказать Вам это и поблагодарить Вас за то, что Вы дали нам эту милую Лизу. Я надеюсь, что Вы уже получили письмо, посланное 1 сентября, которое я адресовала Лизе. Я не понимаю, почему оно не дошло до Вас до отъезда Ваших детей. Может быть, Вы обвиняли меня, в то время как я плакала в Бородино! Прежде всего по возвращении я занялась Лизой и Мишелем. Я не

отделяю Вас от них, и мое письмо докажет Вам это.

Прошу Вас принять мои уверения в самом глубоком почтении и самой преданной дружбе.

Остаюсь навсегда преданной Вам

Маргарита.

Письмо 4

Le 14 Janvier 1825

Bonne et heureuse année, suivie de plusieurs autres, plus heureuses encore! Voila mes voeux chère amie. Agréez mes felicitations aussi, et mon désir de pouvoir en quelque sorte contribuer à la tranquillité de Lise. Je puis vous persuader par tout ce qu'il y a de plus cher qu'elle est parfaitement heureuse du côté de Michel qui l'adore. Je voudrais que notre amitié puisse lui tenir lieu du reste, car il est impossible qu'elle n'aie quelques privations. Vous savez bonne compesse, et depuis longtemps le genre de vie que nous menons dans notre famille. Il faut vraiment de grands avantages du côté de l'affection, pour qu'une jeune personne n'éprouve quelques moments dénués de plaisirs dans une maison, don't les chefs sont toujours souffrants et accablés par le poids des années, don't les autres individus sont bons, meme aimables, mais don't la grande tâche est d'être occupés des soins qu'exigent les parents, et le devoir. Cependant Lise est souvent l'objet de ces soins autant par tendresse, car elee sait l'inspirer, que pour satisfaire au devoir que vous nous avez inspire, en nous la confiant. Elle se ménage beaucoup – j'ai une montagne dans notre jardin. Michel et Lise croyaient qu'elle pouvait glisser – mais ma mere s'y est oppose et on a change de proget. Elle vient voir glisser, Michel et Coco. Enfin, ge puis vous dire que mes parents ne la gênent nullement, et qu'elle fait de son côté tout ce qu'elle peut pour leur plaire – c'est mutual. Le Médecin des Dames, M-r Tannenberg lui a prescrit un bain tous les huit jours et des promenades tous les jours.

A present je vais vous parler de mes affaires. J'avais des effets engages a Pétersbourg, ils consistent en perlest fines, un gros diamante en pendant d'oreille, une bague avec un gros diamante et une boite d'or. Le tout était engage pour 1000

ru. J'ai confié le billet d'assurance a votre bon et aimable fils, le conte Pierre, pour le remettre à Mme Kirpitscheff à laquelle j'ai écrit pour racheter les effets. J'ai envoyé le 24 Novembre 600 ru. et mon frère Michel devait y faire ajouter 700 ru. qu'il me devait, et qu'il devait pouvoir me restituer a l'échéance du termed u 6 Décembre. C'était donc plus qu'il ne fallait pour payer les interest de 6 mois et l'envoi des effets à Moscou. Je vous avoue que j'ai eu bien besoin de ces effets pour les engager de nouveau car on n'a pas de revenus et je manque plus que les autres ayant moins à recevoir, et même moins a prétendre. Donnez vous donc la peine ma bonne comtesse d'agir un peu dans cette occasion quand ce ne serait que pour savoir de Madame Kirpitscheff si elle a reçu ma letter; car je n'ai pas eu de réponse.

Si je trouvais un amateur d'antiquité, j'aurais vendu ma boite. C'est la première qu'on ait fait à charnière. Le nom du bijoutier s'y trouve on m'en donnait une fois a Pétersbourg 400 ru. parlez en a Mme votre frere.

Adieu ma bonne et chère amie. Mon fils baise vos mains et moi je vois demande vos bontés pour lui. C'est pour la vie que je sui avec consideration et affection

Votre dévouée de Coeur et d'âme.

Marguerite.

On nous a dit ici qu'on éteblissait un Concile a P. est-ce vrai que Dieu inspire tout ce qui peut servir à sa gloire!

Connaissez-vous l'archeveque Fothie je ne l'ai jamais vu mais on en parle beaucoup.

Перевод

14 января 1825

Желаю Вам счастливого нового года, а также и многих еще более счастливых лет! Вот мои пожелания, дорогой друг. Примите также мои поздравления и знайте, что я хочу по мере возможности способствовать спокойствию Лизы. Заверяю Вас всем самым дорогим для меня, что она совершенно счастлива с Мишелем, который ее обожает. Я хотела бы, чтобы

наша дружба могла заменить ей остальное, так как не может быть, чтобы она не испытывала некоторых лишений. Вам уже давно известен, дорогая графиня, образ жизни нашей семьи. Нужна, действительно, очень большая привязанность, чтобы молодое существо не страдало в некоторые моменты из-за отсутствия удовольствий в доме, где родители всегда испытывают недомогание и удручены годами, а все остальные добры, любезны, но всегда предаются заботам, которых требуют родители и их долг перед ними. Однако Лиза тоже стала предметом этих забот как из нежности, так как она умеет ее вызвать, так и из чувства долга, поскольку Вы ее нам доверили. Она очень бережет себя^{ix}. В нашем саду есть гора. Мишель и Лиза считали, что она может на ней кататься, но моя мать воспротивилась этому, и они отказались от этой мысли. Она приходит смотреть, как катаются Мишель и Коко^x. Наконец, я могу сказать Вам, что мои родители нисколько ее не стесняют, а, со своей стороны, она делает все, чтобы им понравиться. Это взаимно. Доктор Танненберг предписал ей еженедельные ванны и ежедневные прогулки.

А теперь я расскажу Вам о своих делах. У меня были заложены вещи в Петербурге: жемчуг, серьги с крупными бриллиантами, кольцо с большим бриллиантом и золотая шкатулка. Все было заложено за 1000 р. Я дала квитанцию Вашему милому и любезному сыну графу Петру для передачи мадам Кирпичевой, которой я написала, чтобы она выкупила вещи. Я послала 24 ноября 600 р., а мой брат Мишель добавил к ним 500 р., которые он мне должен, и которые он мог вернуть мне по истечении срока, т.е. к 6 декабря. Это больше, чем требовалось для оплаты процентов за 6 месяцев и пересылки вещей в Москву. Признаюсь Вам, что мне очень нужны были эти вещи, чтобы заложить их снова, так как у меня нет доходов, и я нуждаюсь больше, чем другие, так как могу меньше получить и на меньшее претендовать. Возьмите же на себя труд, милая графиня, посодействовать мне в этом деле и узнайте у мадам Кирпичевой, получила ли она мое письмо, так как я не имела ответа. Если бы я нашла любителя старинных вещей, я бы продала мою шкатулку.

Это первая шкатулка, сделанная на шарнирах. Там есть имя ювелира. Мне за нее предлагали в Петербурге 700 р. Поговорите об этом с Вашим братом^{xi}.

Прощайте, дорогой друг, мой сын целует Вам руки, и я прошу Вашей благосклонности к нему.

Преданная Вам всей душой и на всю жизнь

Маргарита.

Нам здесь сказали, что в П<етербурге> установили церковный собор. Правда ли это? Да вдохновит Бог на все дела, которые могут служить Его славе! Знаете ли Вы архиепископа Фотия? Я его никогда не видела, но о нем много говорят^{xii}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Здесь и ниже имеется в виду декабрист Михаил Михайлович Нарышкин (1798–1863). См. о нем: Декабристы: Биограф. справочник. М.: Наука, 1988. С. 125–126, 291.

ⁱⁱ Лорер Мария Ивановна (урожд. Корсакова), жена брата декабриста Николая Ивановича Лорера Александра Ивановича Лорера. См.: Декабристы. С. 104–105.

ⁱⁱⁱ Николай Александрович Тучков (1811–1826), сын героя Бородинской битвы генерала Александра Алексеевича Тучкова.

^{iv} *Д.Н. Свербеев* (см. Он же. Записки (1799–1826). М., 1899. Т. I. С. 318–320) вспоминал: «Норов <Авраам Сергеевич> узнал, что за городом <Ревелем>, в Екатеринентале, находится его родственница, вдова убитого под Бородиным генерала Тучкова, и на другой же день мы к ней отправились.

Маргарита Михайловна Тучкова, урожденная Нарышкина, приняла нас радушно в хорошеньком домике почти рядом с небольшим дворцом, построенным Петром Великим и им названным Екатериненталем в честь своей жены, Екатерины I. Около дворца любовался я в первый раз в жизни довольно рослыми каштановыми деревьями, которые посадил тут великий наш завоеватель Остзейского края. Родственница Норова приехала из Дерпта, где воспитывала своего сына, брать морские ванны; с нею была прехорошенькая и премиленькая, волоокая, как Юнона, но черноглазая (предполагаю, что очи Юноны были небесного цвета) фрейлейн Кнорринг. Падкий на женщин мой безногий молодой полковник так и таял от любезностей еще молодой, еще красивой и в самом деле привлекательной своей кузины. Я робко засматривался на фрейлейн Кнорринг. Двенадцатилетний красивый мальчик Тучков, страстно любимый матерью, был не лишний в нашей оживленной беседе за самоваром. <...> Уютненький около загородного дворца домик Тучковой едва ли не сделался островом Калипсы для моего, более вдохновенного

поэзией, нежели мудростью Улисса.

Всем известна трагическая судьба Тучковой: единственный ее сын вскоре после нашего с нею свидания умер, она похоронила его на Бородинском поле, где пал ее муж славною смертью и где не могли отыскать его трупа. Над могилой сына и над живыми воспоминаниями об его отце построила она церковь и устроила сперва полумонашескую общину, а потом, приняв пострижение, основала там Спасо-Бородинскую обитель, где была довольно долгое время игуменьей. Исполнению ее благочестивых намерений много способствовал незабвенный митрополит Филарет, – он был ее наставником и покровителем, и духовным водителем ее подвижничества».

Родственник А.С. Норова – А.П. Поливанов в «Сборнике Общества потомков участников Отечественной войны» (М., 1914. Вып. I. С. 61–63) опубликовал следующее:

«ПОСЛАНИЕ

к Маргарите Михайловне Тучковой

Multis ille bonis flebelis occidit,

Nulli flebilior quam tibi...

*Horat**

С тобою ль не найти поэту вдохновенья?

Ему ль тебе похвал на лире не бряцать?

Какой чувствительный предмет для песнопенья!

Супруга павшего героя, нежна мать:

Как рано грусть чело твое приосенила!

Как рано над тобой покров ее навис!

Неумолимая век счастья отравила –

И с розою сплелся печальный кипарис!

И пламенна душа твоя осиротела –

И жизни молодой рассеялись мечты!..

Едва ты счастью поверить лишь хотела –

И счастья твоего поблекнули цветы!..

Тоской подернулись Любви полны очи,

Уныния печать явилась на челе:

О нем мечтаешь ты и днем и в долги ночи –

* Многим добрым сердцам смерть его горестна,

Но тебе всех она горестней...

Гораций.

См.: *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. М.: Рус. язык, 1988.

С. 466.

И любит мысль твоя прошедшего во мгле
С отрадою на тех часах останавливаться,
Когда твой юный друг с тобой в сем мире был,
И вздох взволнует грудь и слезы заструятся...
Увы! Он в лучший край отселе воспарил!
О, сколь завидною была его судьбина:
Он пал за родину в полях Бородина!
Тебя ли вижу я? – О, нежная картина:
С младенцем об руку в мечту погружена,
Ты бродишь по полям, сном смерти осененным,
Ты видишь пред собой могильных ряд холмов!
С поникшею главою и взором огорченным
Супруга своего ты ищешь там следов!
И смерть следов его тебе не сохранила;
Но не грусти о том – его бессмертен прах:
Поля Бородина обширная могила,
Кто в ней сокрыт, тот жив в предбудущих веках!
Так благодарная Россия не забудет
О славном подвиге супруга твоего,
И воин молодой воспламеняться будет
Любовью к родине кончиною его.
Сей храм, воздвигнутый любовью огорченной
На бранном поприще – Сатурн не сокрушит –
И славных Россиян потомок отдаленный,
Вошед в святилище, взор жадный устремит
На подпись скромную, начертанну тобою;
Он чувства в ней твои высокие прочтет
И долу преклонясь, горячею слезою
Чрез несколько веков тебя вспомянет!
Но сколько сих полей вид грозный изменился...
Давно ли видел я, когда со всех сторон

Из смертоносных жерл здесь огонь и дым стремился
 И ужас разносил далеко вопль и стон?
 Теперь сии поля усеяны стадами,
 Свирели тихий звук мне слышен за горой,
 И павших воинов над скромными холмами
 Колосья тучные волнуются рекой.
 Не се ль лица земли картина измененья?
 Не се ль обильнейший для наших дум предмет?
 Шумящий океан ужасного забвенья
 Народов и держав навеки сгладить след,
 Но памяти его, защитника отчизны,
 Не может поразить и Времени коса:
 Он сверг уже с себя одежду тленной жизни,
 Его отечество не мир сей – небеса!

Автор послания Авраам Сергеевич Норов, бывший в середине прошлого столетия министром народного просвещения, был жестоко ранен в Бородинском сражении, вследствие чего лишился одной ноги. Вышеприведенное стихотворение было в 1820 г. напечатано в журнале «Сын отечества» (Ч. 64), издаваемом Н. Гречем. Напечатано оно с некоторыми вариантами и следующим подстрочным примечанием:

«Сия несравненная по уму, добродетелям и несчастиям женщина лишилась обожаемого супруга, убитого под Бородиным. Самое тело его не отыскано! Печальная супруга соорудила церковь, в виде великолепного мавзолея, в том самом месте, где погиб супруг ее и смертельно ранен деверь генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков. Это на левом фланге, впереди деревни Семеновской, на большой батарее против леса. Два брата, два генерала Тучковы пожертвовали здесь жизнью за свободу Отечества. Третий, также генерал, взят в плен. Мать их ослепла от слез и горести».

^v Елизавета (Элиза, Лиза), декабристы Петр и Иван (см.: Декабристы. С. 84–85), Григорий и Алексей.

^{vi} Нарышкины: Варвара Михайловна (1787–1834), София Михайловна (1788–1829) и Евдокия Михайловна (1790–1862) за князем Петром Алексеевичем Голицыным (1796–1849). (См.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. // Рус. старина. СПб., 1873. С. 246.).

^{vii} Венчание состоялось 12 сентября 1824 г.

^{viii} Михаил Петрович Нарышкин и Варвара Алексеевна (урожденная княжна Волконская).

^{ix} Скорее всего, речь идет о сбережении будущего ребенка (Наталии).

^x Сын Маргариты Михайловны – Николай Александрович Тучков.

^{xi} Князь Никита Иванович Дондуков-Корсаков (1775–1857). См.: *Дондуков-Корсаков А.М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. Тифлис, 1886. *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. В 2 кн. М.: Современник, 1991. Кн. 1. С. 408–410.

^{xii} Фотий (Петр Спасский), 1800–1838, архимандрит. Великий князь Николай Михайлович, отмечая его «фанатизм», писал: «В 1822 г. Фотий был вызван митрополитом <Серафимом> в Петербург, познакомился с князем А.Н. Голицыным и 5 июня был принят Александром I, с которым беседовал “об опасности, угрожающей церкви со стороны ее врагов, явных и тайных”. Князь А.Н. Голицын наравне с графиней [А.А.] Орловой-[Чесменской] почитал в это время Фотия “златоустом” и “великим угодником Божиим”. Но скоро изменились отношения между Фотием и князем Голицыным. В 1824 г. противники князя Голицына с митрополитом Серафимом и графом Аракчеевым во главе выдвинули Фотия как орудие для низвержения А.Н. Голицына. В нескольких письмах к государю Фотий обличал “тайные общества, еретиков и карбонариев” и излагал “план разорения России и способ оный план вдруг уничтожить тихо и счастливо”; в это время (20 апреля) он имел трехчасовую беседу с императором. Весь план Фотия сводился к тому, чтобы “Министерство духовных дел <, возглавляемое князем А.Н. Голицыным,> уничтожить, а другие два <(Министерство народного просвещения и Почтовый департамент)> отнять от настоящей особы”, т.е. от князя Голицына, уничтожить Библейское общество и изгнать главнейших мистиков. Благодаря стараниям врагов Голицына 15 мая 1824 г. Министерство духовных дел было уничтожено, и князю оставлено было лишь управление почтами. После этого Фотий еще два раза виделся с государем и подал ему несколько записок о “мерах к прекращению революции, готовимой втайне” (с. 603–604). “17 мая 1824 г. Тургенев <А.И.> по проискам своего злейшего врага, архимандрита Фотия, должен был оставить пост директора Департамента духовных дел” (с. 809). См.: *Знаменитые россияне XVIII–XIX веков.* СПб.: Лениздат, 1996.

А вот как о Фотии высказывается участник Бородинского сражения декабрист И.Д. Якушкин: «В это время Аракчеев сблизил монаха Фотия с императором. Фотий был человек не совсем пошлый: малообразованный, изувер с пламенным воображением, он сильно действовал, особенно на женщин, смелостью и неожиданностью своих выражений. Скоро он овладел полным доверием императора, доказав ему, что благочестие и набожность светских людей, в том числе и князя Голицына, суть не что иное, как отступничество от истинного православия, которое одно ведет к вечному спасению. С этих пор император стал усердно посещать монастыри, беседовал с схимниками, посылал значительные вклады в разные обители и начал строго соблюдать все обряды грекороссийской церкви. Многие книги, напечатанные на счет правительства, были запрещены, в том числе и “Естественное право” Куницына, и книжка, сочиненная Филаретом, теперешним митрополитом московским. За эту книжку, напечатанную по именному повелению, а потом у всех отобранную, и пострадал князь Голицын» (см.: *Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина.* М.: АН СССР, 1951. С. 54).